

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ТРУД В КОЛОНИИ ИМЕНИ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Николай Фере

В жизни каждого человека бывают встречи, события, которые не забываются, не стареют и с годами становятся ярче. Таким событием для автора статьи — агронома, а позднее — и заведующего всеми производствами в колонии имени Максима Горького — стало знакомство с Антоном Семёновичем Макаренко и работа под его руководством. Живые впечатления автора будут, вероятно, полезны тем, кто организует работу школьников в ученических трудовых и производственных бригадах, на практике в поле, в выездных лагерях труда и отдыха.

Первой встречи с Антоном Семёновичем я ждал с большим нетерпением, так как слышал о нём много интересного. Мне казалось, что разговор будет идти о «высоких материях» и что Антон Семёнович поставит передо мной чуть ли не «мировые» проблемы, но вместо этого я услышал: «Надо посадить побольше картофеля, капусты, помидоров и других овощей, не забудьте и о моркови, колонисты её очень любят. Надо и корма заготовить для наших животных в достаточном количестве. Надо полностью освоить большой участок земли вблизи Ковалёвки».

Антон Семёнович упомянул и о трудностях в работе с колонистами, которых необходимо настойчиво и упорно приучать к созидательному, полезному труду.

Отбросив всякие сомнения, я сказал Антону Семёновичу, что если он меня считает подходящим кандидатом, то я согласен работать в колонии.

На этом разговор закончился. А.С. Макаренко — человеку глубоко принципиальному, широко образованному, требовательному к себе и другим — я полностью обязан тем, что по-настоящему глубоко полюбил самую интересную из всех наук — науку о воспитании человека.

Проверка «по всходам»

В то время, к которому относятся мои воспоминания (весна 1924 г.), колония размещалась в двух местах: основная часть, так называемая первая колония, — в Трибах, а меньшая часть — вторая колония — в Ковалёвке.

Первую и вторую колонии разделяла река Коломак, в половодье разливавшаяся на несколько километров.

Направляя меня во вторую колонию, Антон Семёнович предвидел возможность сильного паводка и предупредил, что какой-либо помощи в этот ответственный для дальнейшей жизни колонии момент, совпавший с начальным периодом моей работы, он оказать не может.

«Встретимся, вероятно, когда всё уже взойдёт. Вот и хорошо, легко можно будет проверить «по всходам», как работали ребята, воспитатели, агроном, — сказал на прощанье

Антон Семёнович. Немного помолчав, добавил: — Нелёгко вам придётся, но надо бояться не трудностей, а отсутствия или недостатка воли, настойчивости к их преодолению».

О предполагаемой проверке «по всходам» я, конечно, рассказал ребятам и воспитателям. Все решили, что надо стараться и выполнять работы в срок. Особенно горячо откликнулся Братченко, командир отряда, ухаживающего за пятью тощими лошадками и парой молодых быков. Братченко или его подчинённые всегда находились где-либо вблизи места работы и при каждой остановке подкармливали своих любимцев. Кроме соломы и небольшого запаса отрубей, у нас ничего не было, но очень часто в кормушках я находил остатки сена и даже зёрна овса.

— Где ты достал? — не раз спрашивал я Братченко.

— Ещё зимой немного припрятал. Я же знал, что весна будет, — неизменно отвечал Братченко.

В душе я гордился таким «предусмотрительным» парнем.

Все колонисты работали хорошо, с инициативой, и посев ранних культур закончился в срок. Последствий проверки «по всходам» мы уже не опасались. Но всё же, когда во время отдыха вдруг кто-то крикнул: «Антон Семёнович!» — все вскочили, и на лицах ребят можно было прочитать не только радость, но и волнение. Тревога оказалась ложной. Самый маленький наш колонист Петя увидел в сочетании облаков контур, похожий на лицо Антона Семёновича. Ребята побранили Петю, но все, в том числе и я, посмотрели в направлении его руки.

Действительно, что-то похожее на профиль Антона Семёновича при некотором воображении можно было обнаружить среди облаков. Разговор, естественно, перешёл на Антона Семёновича, и нельзя было не почувствовать большого уважения, которое ребята питали к своему заведующему.

— Чем бы нам ещё удивить Антона Семёновича? — как всегда, с азартом предложил обсудить Братченко. — Уже видно, что с посевами всё будет у нас в порядке.

Предложений последовало много, но все или трудно осуществимые, или неинтересные. Лучшим оказалось предложение колонистки Вари — построить беседку и посадить её цветами.

В тот же день на общем собрании колонисты одобрили предложение об устройстве клумбы и единогласно постановили вечерами по два часа работать на расчистке площадки. На четвёртый день клумба была готова. Посадка цветов много времени не заняла. Но центральная часть клумбы была пуста. Чтобы как-нибудь её использовать, посадили на этом месте куст шиповника, но все понимали, что этого недостаточно.

Выход из положения нашёл Белковский: «Я сумею, кажется, достать хороший цветок, как раз то, что нам надо».

— А где же ты его достанешь? — с удивлением спросил я.

— А...у своей тётки... у неё очень много цветов.

— Тогда поезжай скорее, хотя бы сегодня.

— Нет... сегодня нельзя.

— Почему?

— Она... бывает в разъездах.

Через несколько дней, когда я, как всегда, в половине шестого утра вышел во двор, мне прежде всего бросилась в глаза чудесная агава из семейства амариллисовых с огромными толстыми листьями, покрытыми по краям шипами, посаженная на месте шиповника.

Клумба приняла совсем иной вид, стала нарядной. Тётя Белковского подарила колонии действительно замечательный цветок.

Все ребята с нетерпением ожидали приезда Антона Семёновича.

Осмотр колонии Антон Семёнович начал с наших полей. Хотя ничего сказано не было, но я видел, что он доволен. Возвращаясь на усадьбу колонии, вышли прямо к клумбе.

— Где вы эту красавицу достали? — не скрывая своих чувств, спросил Антон Семёнович и остановился.

— А это подарок тётки Белковского.

— Чей, чей подарок? Тёти Белковского? Ха-ха-ха!

Не ожидая такой реакции, я смутился. А Антон Семёнович продолжал хохотать и, немного успокоившись, сказал:

— Да у Белковского никаких родных нет. Я сделал запрос на его родину в Саратов и получил ответ: родители и родственники Белковского умерли.

Рабочий день уже закончился, и все ребята находились около клумбы. Недоставало только... Белковского. Он предпочёл уклониться от встречи с Антоном Семёновичем, которого «провести нельзя». Об этом не раз мне говорили ребята.

В следующий приезд Антона Семёновича Белковскому избежать встречи не удалось.

Вышел он из кабинета красный и растерянный. Опасаясь неприятных последствий, Белковский энергичной работой старался искупить свой проступок. Поведение его было безупречным.

Меня же Антон Семёнович предупредил, чтобы все подарки «тёти», «дяди», «бабушки» и других близких и дальних родственников колонистов проходили только через него.

История с агавой долгое время оставалась нераскрытой, и только много позднее стали известны подробности получения «подарка».

Вскоре была построена оранжерея, в которой самое лучшее место было отведено агаве.

В оранжерею частенько заглядывали и Антон Семёнович, и воспитатели, и ребята. Всем хотелось посмотреть и полюбоваться цветами, познакомиться с тонкой, требующей особого внимания и умения работой — выращиванием и уходом за цветами и рассадой.

Заканчивался 1924 год. Можно было подвести итоги напряжённой работы всего коллектива на новом месте в Ковалёвке. Богатый урожай картофеля, свёклы, капусты, помидоров намного превышал наши потребности в овощах. Был уже и некоторый запас пшеницы, ржи, овса, кукурузы. В прекрасном состоянии ушли под снег всходы озимой пшеницы и ржи, посеянные на чёрных парах.

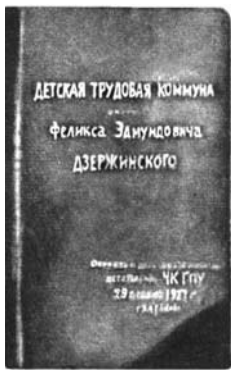
Чувство гордости за своё хозяйство всё ярче проявлялось в словах, поступках и действиях колонистов.

Антон Семёнович внимательно следил за проявлениями этого чувства и всячески его поддерживал. Обращаясь ко мне, он говорил: «Вам, Николай Эдуардович, теперь немного легче будет. Пафос труда становится центром всей жизни колонии». И добавил: «А теперь давайте подумаем, что нам предстоит выполнить в ближайшие годы». Много ещё больших и малых, простых и сложных задач стояло перед нами. Необходимо организовать учёбу колонистов по основам агротехники и зоотехники, быстрее развивать животноводство, обосновать и перейти на правильный севооборот, привести в порядок сад, расширить цветоводство, «чтобы колония утопала в цветах», усилить работу среди местных крестьян и выполнить многое другое.

Зима 1925 г. прошла в напряжённой учёбе и подготовке к весенним работам. Приближалось начало весенних полевых работ, и колонисты, продолжая учиться в школе, некоторое время работали в парниках, оранжерее, очищали и проверяли на всхожесть семена, подготавливали инвентарь. Это были, по существу, практические занятия по пройденному зимой в школе курсу основ агротехники.

Закончив занятия в школе, колонисты всю энергию направили на полевые работы. Предстоял исключительно напряжённый сельскохозяйственный год. Работу по крайней мере двух-трёх лет предстояло выполнить за один год. Мои заявки на рабочую силу, деньги и материалы, необходимые для сельского хозяйства, превышали возможности колонии. Антон Семёнович, несмотря на большую выдержку, получив такие заявки, возмущался: «Вы что, хотите, чтобы я всех грудных детей служащих мобилизовал? Вы этого хотите?»

В таких случаях приходилось отвечать возможно более спокойно: «Как же можно образцово вести сельское хозяйство колонии, если не удовлетворяются даже очень скромные заявки? Неужели можно допустить, чтобы наши соседи, упрямые единоличники Иван и Григорий Коваленко,

перетянули на свою сторону всех сомневающихся в преимуществах коллективного ведения хозяйства?»

Антон Семёнович соглашался с моими доводами и на совете командиров, общем собрании просто и убедительно доказывал колонистам, что намеченное надо выполнить обязательно и точно в срок. При этом он не скрывал от ребят необходимости большого напряжения с их стороны.

В самые напряжённые рабочие дни можно было наблюдать, как Антон Семёнович ходил по полям и в минуты отдыха беседовал, шутил, подбадривал колонистов, и на наших глазах невозможное становилось возможным. Посев всех культур — ранних и поздних — мы закончили раньше, чем намечали. Это послужило мне основанием при ближайшей встрече с Антоном Семёновичем упрекнуть его, что он напрасно ругал меня за «совершенно невозможные заявки» на рабочую силу.

«Так вы теперь хотите меня ругать? А знаете ли, какой ценой мы добились хороших показателей? Сегодня же обсудим на общем собрании вопрос об отдыхе для ребят, хотя бы на недельку».

Последние слова Антона Семёновича меня сильно обеспокоили, и я пожалел, что затронул этот вопрос. Разве можно в сельском хозяйстве прервать на неделю работы? За это время сорняки могут погубить урожай свёклы, моркови и других культур.

К предстоящему вечернему разговору с Антоном Семёновичем я тщательно готовился и даже написал текст своего выступления на всякий случай. Пока отряды отчитывались о своей работе, я сидел как на иголках, ожидая обсуждения вопроса об отдыхе «хотя бы на недельку».

«Ребята, — начал Антон Семёнович, — посевную мы закончили, Николай Эдуардович очень доволен, но, может быть, вы... устали и нуждаетесь в отдыхе хотя бы на недельку?» В ответ раздались общий весёлый смех и дружные протесты. Необходимость в моём выступлении отпала. Антон Семёнович посмотрел на меня. Его улыбку можно было понять так: «Я знал, что они от-

кажутся, но, уважая их, должен был этот вопрос поставить и обсудить».

За два года колония освоила всю земельную площадь и начала собирать высокие урожаи зерновых, огородных и кормовых культур. Была установлена связь с Полтавской опытной сельскохозяйственной станцией. В колонии в широких производственных условиях проверялись предлагаемые станцией новые агротехнические мероприятия.

Ребята по-настоящему гордились сельским хозяйством колонии и критически оценивали способы, применяемые соседями.

В 1926 г. намечалось увеличить объём школьных занятий для старших ребят по земледелию, растениеводству и животноводству и выделить специальный опытный участок. Антон Семёнович, хорошо понимая значение науки и опытнической работы, полностью поддерживал все эти начинания в сельском хозяйстве. Однако наступившие события — переезд колонии в Куряж под Харьковом — не дали возможности осуществить эти планы.

Переезд в мае 1926 г. раскрыл тайну подарка «тёти» Белковского.

Всё наше имущество было доставлено для погрузки к железнодорожной станции.

Агава в большой деревянной кадке красовалась тут же, привлекая общее внимание как пассажиров, так и железнодорожных служащих. Руководил погрузкой нашего имущества Белковский, и именно к нему обратился чем-то весьма взволнованный садовник местного железнодорожного садоводства.

— Где вы достали этот цветок? Два года назад у нас пропал такой же. Вечером перенесли из оранжереи и оставили на платформе, чтобы утром высадить на клумбу, но утром... его не оказалось. До сих пор не могу понять, как это могло случиться. По крайней мере, пять человек нужно было, чтобы его унести. При этом ведь на платформе всё время находились железнодорожные служащие.

— Что вы, — чуть смутившись, ответил Белковский. — Он у нас уже почти... десять лет. Вот таким к нам попал...

При этих словах Белковский развёл руки и сейчас же их опустил, не желая, по видимому, уточнять рост агавы десять лет назад.

Полюбовавшись ещё немного цветком и выразив удовлетворение его состоянием, садовник ушёл.

В Куряже с первого же дня наметили место для клумб и приступили к их устройству. Теперь это уже не было так сложно, хотя площадь клумб была увеличена, по крайней мере, в десять раз.

Агротерминум

Вместе с колонистами и наравне с ними работали в поле, оранжерее, парниках и наши воспитатели. Разграничение обязанностей командира сводного отряда колонистов и воспитателя установилось не сразу. Первое время воспитателя часто подменял командир отряда. В своём выступлении на педсовете Антон Семёнович подчеркнул, что укрепление самоуправления колонистов требует повышения ответственности командира отряда.

— А каковы же тогда обязанности воспитателя? — задал кто-то вопрос.

— Воспитатель должен быть примером для всех, должен разъяснять и отвечать на возникающие вопросы — политические, педагогические, агрономические; наконец, воспитатель должен вести культурную работу среди ребят не только в часы отдыха, как это принято, но и в рабочие часы.

Нашим старым воспитателям, много лет проработавшим в колонии, не трудно было показать ребятам, как высаживать рассаду капусты, прорежать свёклу, пасынковать помидоры, а также отвечать на несложные агрономические вопросы. Когда же стали приезжать работники других колоний знакомиться с нашим опытом, а также студенты-практиканты, то стали возникать недоразумения. Обычно приезжих прикрепляли на некоторое время к дежурному воспитателю, а затем переводили в сводные отряды, работавшие в различных отраслях нашего сельского хозяйства. Здесь-то

и выявилась неподготовленность многих практикантов. Колонисты, прослушавшие в период зимней учёбы основы агротехники и неплохо подготовленные практически, с иронией поглядывали на тех, кто должен был в будущем стать для них примером. К выводу — требовать от практикантов минимума агрономических знаний — в колонии пришли не сразу. Но вскоре беседа по агрономическим и зоотехническим вопросам со всеми практикантами и новыми воспитателями стала обязательной.

Наше животноводство

Развитие животноводства Антон Семёнович поддерживал не только для того, чтобы заменить пшеничный «кандёр» на борщ со свиной, а пустой чай — на молоко. В развитии животноводства он видел возможность всестороннего изучения с колонистами сельскохозяйственного производства.

Животноводство позволяло рационально использовать отходы кухни и столовой. Свиноводство дало возможность в самый короткий срок получить и мясо, и жиры.

На Полтавской опытной сельскохозяйственной станции мы приобрели несколько молодых свинок. Свинки доставляли много хлопот: то залезут к кому-нибудь в огород, то заберутся в реку и взмутят воду так, что в ней нельзя купаться. И тем не менее свинки стали общими любимцами.

Особенной любовью ребят пользовалась Фиалка, имевшая и другую кличку — Спортсменочка. Первую она получила, когда кто-то из ребят надел на неё старую дырявую шляпу с искусственными фиалками и Антон Семёнович, увидев её в таком виде, сказал: «Нашей свинке фиалки, кажется, к лицу»; вторую — за необычные спортивные способности. Не раз можно было наблюдать, как Фиалка вместе с ребятами прыгала с обрыва в воду, вызывая бурный их восторг. Естественно, что такой свинке перепали самые лакомые кусочки; к осени Фиалка оказалась более упитанной, чем её сверстницы, и это обстоятельство привело к большой для неё опасности.

**Права
и обязанности
командира
и воспитателя
обсуждались
на педагогическом
совете**

Взоры нашего завхоза Михаила Павловича (Калина Иванович в «Педагогической поэме») устремились именно на Фиалку. Когда ребята узнали, что Михаил Павлович не только собирает, но уже точит, в буквальном смысле слова, нож, чтобы зарезать Фиалку, они страшно разволновались. По распоряжению Антона Семёновича в необычное время был дан сигнал «на общее собрание». Опоздавших не оказалось.

Михаил Павлович так с ножом и явился на собрание, чем ещё больше взволновал ребят. Первое слово получил он. «Кто я такой, вы знаете, — начал Михаил Павлович. — Я лицо ответственное, уполномоченное высшим начальством, и не обязан подчиняться каким-то там... а посему...» Но договорить ему не удалось. Поднялся ужасный шум, к которому скоро присоединилось жалобное похрюкивание Фиалки. Ребята умудрились и свою любимицу притащить на собрание и в нужную минуту лёгкими толчками заставляли её выражать свой протест.

Но вот взял слово Антон Семёнович.

— Ребята, — сказал он, — Михаил Павлович просил пояснить, что если не зарезать Фиалку, то дней десять придётся есть борщ без мяса. Поэтому ставлю на голосование: с мясом или без мяса будем готовить борщ?»

И даже Михаил Павлович голосовал за «борщ без мяса». Так была спасена жизнь Фиалки, а вместе с ней — и её подруг. Решено было их всех оставить для увеличения стада нашего «свинства» — так частенько называл его Антон Семёнович.

К весне 1925 г. наше животноводство заметно увеличилось. На пастбище вышло стадо в количестве двадцати голов крупного рогатого скота и двадцати овец. Правда, коров у нас было только три — две молодые и одна весьма «пожилая», носившая соответственную своему возрасту кличку «Старушка»; но шесть молодых тёлочек обеспечивали хорошую перспективу для развития молочной фермы. Имелись также два рабочих вола, племенной бык и молодняк.

Коровник и конюшня находились рядом. Ухаживал за животными отряд колонистов под командой Антона Братченко. Его

симпатии как заядлого лошадника были на стороне конюшни, но и коровник обслуживался вполне удовлетворительно. Правда, между ним и колониисткой Варей, страстной поклонницей «коровьего царства», не раз возникали бурные сцены и даже... драки, кончавшиеся вызовом к Антону Семёновичу и разбором на общем собрании вопроса, кто первый коснулся своей рукой противника. По установившейся традиции этот момент считался очень важным для выявления зачинщика «военных действий». Причина ссор в основном была одна: по уверениям Вари, Антон за счёт коров подкармливал лошадей отрубями, мукой и другими концентрированными кормами, которых у нас было недостаточно. Этим она объясняла и случаи снижения удоев молока.

Ссоры, однако, не мешали нашим «животноводам» объединяться, когда этого требовали интересы животноводства. Спасение коровы Старушки, забравшейся в трясины, из которой с большим трудом её вытащили Антон Братченко со своим отрядом и Варя с девушками, — наглядный тому пример.

Лучше всего развивалось у нас свиноводство. Спасённые осенью от ножа Михаила Павловича, наши свиньи жили спокойно. Как и некогда, Фиалка опять была в центре внимания, но на этот раз по другой причине: Фиалка принесла восемь прекрасных малышей, и в связи с этим у ребят возник «серьёзный» вопрос, унаследуют ли её малыши спортивные способности своей матери. В том, что сама Фиалка, ставшая солидной мамашей, прыгать с ними с обрыва в воду больше не будет, ребята, конечно, не сомневались. Споров и разговоров на эту тему было много. И Антону Семёновичу, и мне не раз приходилось разяснять, что развитие нашего свиноводства не преследует спортивных целей.

Свиноводство становилось ведущей отраслью животноводства в колонии. Мы начали снабжать поросятами ближайшие сельскохозяйственные артели и крестьян. Однако хозяйство в свинарнике велось кустарно, не соблюдался режим кормления, не было необходимой чистоты. Основная причина такого положения заключалась

в том, что помещение свинарника было явно неудовлетворительным.

Антон Семёнович разрешил доходы от свиноводства, которые к этому времени стали значительными, использовать на постройку нового свинарника, если он будет соответствовать всем необходимым зоотехническим требованиям.

Перевод свиней в новое помещение был для всех праздником. С одобрения Антона Семёновича сразу ввели выдачу кормов в соответствии с весом свиней, кормление по часам, регулярное обмывание животных и периодическое их взвешивание. Устанавливать нормы выдачи кормов и следить за кормлением свиней в точно назначенные часы вначале приходилось мне. Но вскоре всё это стал выполнять командир отряда под моим наблюдением.

Первое время мытьё свиней сопровождалось таким визгом, что его было слышно далеко за пределами колонии. Поливая тёплой водой и энергично растирая визжащую свинку щётками, ребята деликатно упрашивали её «вести себя тихо». Но не всякая свинья понимала деликатные речи, и иногда некоторые чрезвычайно упрямылись. В таких случаях дело не обходилось без пинков. Скоро и ребята становились мокрыми с ног до головы, но энтузиазм их от этого не становился меньше. После мойки наступала полная тишина. Уставшие от визга свиньи спали на чистой подстилке, а дежурившие ребята, переодевшись, читали или тихо беседовали где-нибудь в уголке.

Рассеялось укоренившееся у некоторых наших служащих и местных крестьян мнение, что свинья — самое неопрятное животное и что грязь ей чуть ли не на пользу. В старом свинарнике, где поддерживать помещение в порядке было трудно, только Чистюлька жалобным хрюканьем проявляла своё нежелание лечь на грязную подстилку и успокаивалась, когда ей подбрасывали свежей соломы. Свою кличку она получила именно за это качество. В новом помещении ребята начали терпеливо приучать к чистоте всё наше поголовье: меняли подстилку по несколько раз в день. Оказа-

лось, что даже такая грязнуля, как Пышка, начинала выражать недовольство, если солону вовремя не меняли.

Значительно сложнее оказалось приучить наших свиней к взвешиванию. Только при помощи верёвки упирившуюся и визжавшую свинью удавалось втянуть в установленную на весах клетку. Больше всех огорчений доставлял кабан Василий Васильевич. Чтобы ввести его в клетку, за концы верёвки тянули пять-шесть человек.

По предложению Антона Семёновича результаты взвешивания, которые обычно приурочивались к смене сводных отрядов, докладывались на совете командиров. Совет командиров быстро оценил прогрессивное значение такого мероприятия и выносил решение в зависимости от итогов взвешивания. Плохо приходилось тому командиру, у которого, например, кабан «Собакевич», поставленный на откорм, дал незначительный привес или, ещё хуже, снизил вес. В таких случаях совет командиров выносил решение — оставить отряд ещё на один срок работы в свинарнике и добиться улучшения показателей по свиноводству.

Порядок в свинарнике, хорошая упитанность свиней и своевременно принятые предупредительные меры спасли наше стадо от чумы, уничтожившей почти полностью поголовье свиней в округе на несколько десятков километров. У нас ни одна свинья не заболела чумой. В период строгого карантина на дверях свинарника висело объявление, на котором ребята изобразили мёртвую свинью и сделали надпись: «Остановись! Опасно для жизни свиней! Вход запрещён!» Никто, кроме членов отряда, в свинарник не заходил. Когда необходимо было срочно отремонтировать печь, ребята, не обращая внимания на бурные протесты печника, обрызгали его дезинфицирующим раствором и только после этого впустили в свинарник. Для вызова кого-либо из свинарника на дверях повесили большой звонок.

К концу 1925 г. наши успехи в сельском хозяйстве стали ещё значительнее, поголовье свиного стада увеличилось до ста шестидесяти голов.

Крестьяне из окружающих деревень начали приводить колонистов в пример и советовались с ними по различным вопросам культурного ведения сельского хозяйства.

Даёшь трактор!

— Что вы думаете о тракторе? — спросил меня Антон Семёнович в один из сентябрьских дней 1925 г. К этому вопросу я уже был подготовлен. О тракторах писалось в газетах. Изредка можно было наблюдать, как по пролегавшей невдалеке от колонии просёлочной дороге перегонялись тракторы. Интерес у ребят к ним был необычайный.

На общем собрании колонистов Антон Семёнович предложил обсудить вопрос: нужен ли колонии трактор или можно обойтись нашим живым тяглом. Обсуждать этот вопрос не пришлось. Громогласное: «Даёшь трактор... трактор... трактор!» — потрясло всё здание. Было решено начать подготовку своих трактористов, так как никто не сомневался, что трактор рано или поздно у нас будет. Для подготовки трактористов на курсах нам предоставили шесть мест.

Я и пятеро колонистов окончили школу трактористов, и с тех пор вся моя дальнейшая работа была связана с механизацией сельского хозяйства.

Я окончил также курсы механизаторов: Антон Семёнович согласился со мной, что я должен иметь более высокую квалификацию, чем тракториста.

Приобрести трактор нам удалось только через год, весной 1927 г., уже после переезда в Куряж. Принять трактор и доставить его в колонию поручили старшему колонисту Беленькому. Как только раздался шум приближающегося к колонии трактора, все ребята выбежали навстречу. Вышли Антон Семёнович и почти все воспитатели. Беленький подвёл трактор к клубу и рапортовал о благополучном прибытии. Приняв рапорт, Антон Семёнович обратился к ребятам с краткой речью, отметив, что получение трактора становится началом нового этапа колонии — этапа широкой механизации.

Обслуживал трактор небольшой постоянный отряд из трёх колонистов. Командиром отряда совет командиров назначил Гришу Беленького — серьёзного и дисциплинированного колониста.

За время моей работы в колонии не было ни одной поломки или аварии трактора, ни одного несчастного случая.

Наш трактор обслуживал не только колонию, но и ближайšie хозяйства, выполняя для них наиболее тяжёлые полевые работы: вспашку, культивацию, молотьбу.

Подготовленные ещё в Полтаве на курсах, наши трактористы вскоре ушли на производство, в рабфаки. Остался только Беленький, назначенный инструктором. Ежегодно проходили подготовку пять-шесть новых трактористов.

Механизация сельского хозяйства прочно вошла в жизнь колонии и помогла разрешить немало стоящих перед нами проблем.

* * *

За очень короткий срок в колонии имени М. Горького выработалась стройная, проверенная практикой система сельскохозяйственного трудового обучения колонистов.

Весьма ценно в этой системе то, что творческая инициатива каждого колониста, воспитателя получала полный простор.

Вечером, когда на общем собрании обсуждались итоги прошедшего дня, каждый присутствовавший имел возможность выступить и внести свои предложения. Каждый колонист хорошо знал, как ему надо поступить в том или другом случае. Случаи, когда тот или иной колонист самовольно сорвал цветок, «забыл» в поле лопату, грабли, ударил животное, были весьма и весьма редкими. Наоборот, забота об имуществе колонии стали явлением обычным, повседневным. ■

Колония, бесспорно, оказала влияние на развитие животноводства в окружающих хозяйствах.

